

© 2011 г. Р.Т. Гильфанов

УДК 81

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТАТАРСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Для объективного исследования сложной системы языка требуются новые методы. Наиболее эффективной, на наш взгляд, является полевой метод. Впервые теория поля появилась в немецкой лингвистике. У истоков этой концепции в языкознании стояли К.Хейзе и Й. Трир. В русской этой теорией наиболее подробно и системно занимался А.В. Бондарко. Он определяет ФСП как «систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций». Компонентами ФСП являются языковые категории, классы и единицы с их языковыми значениями, связанными с конкретными средствами формального выражения в данном языке [1, с. 21-24].

В структуре ФСП разграничиваются ядро (центр) и периферия. В ядре сосредоточены определенные грамматические категории, обладающие полным набором свойственных им дифференциальных признаков, их максимальной концентрацией. На периферии представлены члены ФСП, функциональная нагрузка которых уменьшилась, поскольку они не имеют полного набора этих признаков. Периферийные конструкции всегда синкретичны. Теория ФСП связана с понятием о категориальном значении [1, с. 143]. Так, в ядре ФСП находятся такие грамматические категории, у которых присутствуют все их грамматические признаки, то есть именно в этих явлениях сосредоточено яркое категориальное значение. Периферия ФСП характеризуется неполнотой грамматических свойств анализируемых категорий

Как известно, всякое предложение содержит в себе указание на отношение действия к действительности, которое устанавливается говорящим лицом. Человек всегда выражает свою деятельность, наполненную намерениями, чувствами, эмоциями с помощью языковых средств. Оно может носить самый разнообразный характер, т.е. предложения могут рассматриваться и анализироваться с разных позиций. Предположение, основанное на разной степени уверенности говорящего в совершении того или иного действия или существующего факта, является одним из наиболее часто испытываемых человеком состояний в его повседневной жизни. Входящее в структуру эпистемической модальности, оно означает недостаточное знание говорящего о возможности существования связи между объектом предикации и его субъектом. Субъект лишь предполагает наличие такой связи, что является результатом его мыслительной деятельности, т.е. событием, протекающим в воображении говорящего. Утверждать категорически о существовании или несуществовании того или иного факта он не может. А так как прямых данных о действительном положении вещей у субъекта нет, семантика включает компонент неуверенности, предположения в утверждаемом.

Говорящий, будучи недостаточно осведомленным о предмете речи, чтобы категорически настаивать о причине, вызванной тем или иным событием, оформляет свое высказывание в плане предположительно-вероятной модальности, т.е. сообщает о нем как о чем-то более или менее вероятном. Модальность данного типа, по выражению Е.И. Беляевой, «субъективна, так как всегда связана с умозаключением говорящего». В самом предложении неосведомленность говорящего и истинные соотношения с действительностью определяются контекстом или экстралингвистической ситуацией [2, с. 73-75]. В самом же деле то, что говорящий предполагает, либо соответствует действительности, либо не соответствует ей. Таким образом, сомнительная оценка (выражение Е.С. Селезневой) есть оценка, основанная на том впечатлении, которое производит соответствующий участник ситуации, впечатлении, не расчлененном на компоненты в зависимости от способов восприятия. Каким бы ни был источник впечатления, подчеркивает Е.С. Селезнева, кажимость всегда предполагает оценку. В значении «кажется» имеется признак вывода. Так как прямых данных о реальном положении вещей у оценивающего субъекта нет, семантика предложения включает компонент неуверенности в

утверждаемом. Е.С. Селезнева предлагает в этом случае семантическую формулу «Х кажется мне Y», которая читается как: «Предмет обладает признаками, которые дают мне основания полагать, что он Y, хотя у меня имеется некоторое сомнение в этом». Таким образом, Е.С. Селезнева предлагает «говорить о семантике вывода и значении неуверенности, ни в коем случае не исключая друг друга» [3, с. 1].

В разговорной речи, в непосредственном общении употребительны различные формы предположения. Для их выражения в сопоставляемых татарском и немецком языках имеется целый ряд лексико-грамматических средств, четко ориентированных на различные степени уверенности говорящего в том или другом факте. К ним относятся так называемые вводные, или модальные слова, модальные глаголы в немецком языке, а также синтаксические конструкции с грамматической направленностью. Наряду с дифференциальными по степени уверенности средствами в немецком языке имеются и средства общего предположения, где эта степень не дифференцируется. Это глаголы *scheinen* «казаться» и *glauben* «думать», «полагать», которые на татарский язык переводятся чаще всего с помощью модальных слов *шикелле*, *кебек*, *сыман* (йоклый шикелле «кажется спит», бара сыман «кажется идет», килә кебек «кажется приходит»).

Предположительность в татарском языке выражается также некоторыми временными формами глагола (настоящее время, прошедшее результативное и др.) в сочетании с частицей *-дыр/-дер*, модальными словами, модальными фразами *балки*, *мөгаен*, *булыр*, *булса кирәк*, *кебек*, *ихтимал*, *балкем*, *сыман*, *шикелле*, *имеш* “возможно”, “может быть”, “вероятно”, “вроде бы”, “якобы” и др.

Форма на *-а/-ә/-ый дыр (дер)* (барадыр, киләдер, укыйдыр) в предикативной функции довольно активно употреблялось до конца XIV века и в старотатарском литературном языке. Основным ее значением была констатация действий, совершающихся в данный момент ли безотносительно к моменту речи обычных действий (Бурганова). В современном татарском литературном языке форма на *-а/-ә/-ый дыр (дер)* временную форму не образует, а выражает лишь модальное значение неуверенности, сомнения говорящего в совершении действия [4, с. 21]: Ул бүген районга барадыр “Он, наверное, едет сегодня в район”; ... мондый могжизаны сез башыгызга да

китерә алмыйсыздыр эле (Андерсен) “Вы, наверное, и не можете себе представить такое чудо”; Хатыны белән сөйләшәдер инде, дип уйлап алды Кунин (Чехов) “Наверное, разговаривает с женой, - подумал Кунин.

Для выражения оценки (различных степеней) достоверности высказывания в обоих сопоставляемых языках широко употребляются модальные слова и частицы, которые все чаще рассматриваются исследователями как самостоятельные объекты исследования.

К модальным словам, выражающим высокую степень достоверности (категорическую достоверность) в татарском языке относятся *билгеле* “конечно”, *дәрес* “правда”, *әлбәттә* “разумеется”, *тәгаен* “несомненно”, *шөбһәсез* “несомненно”, *шиксез* “без сомнения”, *һичшиксез* “несомненно”, *чыннан да* “в самом деле”, *чынлап та* “в самом деле”: *Балаларны бер үзенә үстерү, әлбәттә, бик кыен булган* (М. Әхмәтжанов) “Конечно, ей было очень трудно одной поднять на ноги детей»; *Күз ачып йомганчы, һичшиксез жәриярың бер чиләк* (Г. Тукай) “Без сомнения, за мгновение ока соберешь ведро (ягод)»; *Ә ул чынлап та килде* «А он и в самом деле пришел»; *Дәрес, аның улы имтиханга яхшы әзерләнгән иде* “Правда, его сын хорошо подготовился к экзамену”.

Различные степени проблематической достоверности в татарском языке выражают следующие модальные слова:

1. *ахры* “кажется” – *Зәйтүнә тагын Ларисага карады. Тәмам оеп-оеп китә теге, төнен йокысыз уздырган, ахрысы* (М. Мәликова) «Зайтуна посмотрела на Ларису. Та временами почти засыпает, вероятно провела бессонную ночь»;

2. *бугай* “кажется” – *Иван Матвейч, Сез әле кошлар ауларга да яратасыз, бугай* (А. Чехов) “Иван Матвейч, Вы, кажется, любите охотиться на птиц”;

3. *булса кирәк* “видимо” – *Гаҗәпләнүем йөземә чыкты, булса кирәк.* (А. Шамов) «Вероятно, мое удивление отразилось на моем лице»;

4. *бәлки* “возможно» - *Шулай да станциягә барып кайтырга теләүче берәр кеше табылыр, бәлки* (О’Генри) «Все-таки, возможно, найдется человек, который хотел бы съездить на станцию»;

5. *имеш* «якобы» - *Вивисекция закон нигезендә тыелган эш, моның өчен җаваплылыкның аның өстенә дә төшүе бар, имеш* (О’Генри) “Вивисекция запрещена законом, ответственность за это, якобы, падает и на него”;

6. *ихтимал* “возможно”, “может быть” – *Ихтимал, караңгы күзлек пыялалары аны (ят кешене) шулай күрсәткәндер* (О’Генри) “Возможно, его (чужого человека) так представили стекла его темных очков”;

7. *күрәсең* “видимо” – *Күрәсең, армия штабында да шул мөмкинлекне исәпкә алганнар* (Г. Сафиуллин) “По-видимому, в штабе армии учли и эту возможность”;

8. *мөгаен* “может быть” – *Әлбәттә, минем зур суммаларым юклыгы Егор Дмитриевичка да һәм, мөгаен, сезгә дә мәгълүмдер* (А. Чехов) “Конечно, то, что у меня нет больших сумм денег известно и Егору Дмитриевичу и, может быть, даже и вам;

9. *янәсе* “будто” – *Бәйрәм кичендә бүләк бирү гадәте дә шулардан калган, янәсе* (О’Генри) “Привычка дарить подарки в праздничный вечер будто заведена ими”.

Кроме вышеперечисленных сов модальность предположения выражают также такие модальные слова как *кебек* “будто”, *сыман* “словно”, *төсле* “вроде”, *шикелле* “кажется”: *Бу ящикның ярыгы шул кадәр тар ки, аның аша хат түгел, кагазь кисәге дә сыйдырып булмас кебек* (О’Генри) “Щель этого ящика настолько узка, что не протиснулось бы не только письмо, но и лист бумаги”; *Өзек өзек жәмләләр белән язылган фикерләремне аңлата алмый төсле* (Г. Кутуй) «Кажется, я не могу довести до тебя мои мысли, написанные прерывистыми предложениями»; *Шатлануын шулай белдерә шикелле (Кәдрия)* (Г. Кутуй) “Кажется, она (Кадрия) так показывает свою радость”. Итак, в микрополе предположительной модальности в татарском языке ведущее положение занимает форма на *-а/-ә/-ый дыр (дер)*, составляющая ядро данного микрополя. Ввиду соотнесенности с настоящим временем некоторые авторы называют эту форму *хәзерге киләчәк фаразый заман* (настоящее-будущее предположительное время). Аффикс *-дыр/-дер* для передачи значения предположительности выступает и в сочетании с другими временными формами изъявительного наклонения, а именно с прошедшим результативным, будущим категорическим (напр., *барачакдыр*). Модальные слова, обозначающие категорическую достоверность находятся на ближней периферии модального микрополя предположительности, а на дальней периферии – модальные слова, выражающие проблематическую достоверность.

В немецком языке модальность предположительности выражается в большинстве случаев конъюнктивом, модальными глаголами, модальными словами, модальными частицами (*etwa*), а также будущими временами изъявительного наклонения *Futurum I*, *Futurum II*. *Futurum I* в значении предположения переводится на татарский язык формой на *-a/-ә/-ый дыр (дер)*: *Sie werden das wohl selbst wissen.* – Алар аның турында үзләре дә беләләрдер “Они, пожалуй, и сами знают об этом”.

Futurum II в значении предположения передается на татарский язык прошедшим временем с аффиксом *-дыр/-дер*. В предложении употребляются модальные слова *бәлки* “вероятно”, *мөгаен* “пожалуй” и другие, независимо от того, есть соответствующие наречия в немецком тексте: *Sie werden (wohl) selbst gesehen haben.* – Алар, бәлки моны үзләре дә күргәннәрдер. “Они, вероятно, видели это и сами”; *Sie werden (wohl) selbst dabei gewesen sein.* – Алар анда үзләре булганнардыр «Они, по-видимому, сами были при этом».

При работе с немецким текстом надо учитывать следующее: 1. *Futurum I* сравнительно редко употребляется для выражения предположения, его основное значение – выражение будущего действия. В значении предположения эта временная форма обычно сопровождается наречием *wohl* “мөгаен”, “ихтимал” (“вероятно”, “по-видимому”); 2. *Futurum II*, напротив, главным образом употребляется в значении предположения.

Для выражения предположительности высказывания в немецком языке также употребляется претерит конъюнктива: *Sollte er anrufen, sage ich ihm das* «В случае, если он позвонит, я скажу ему об этом». На татарский язык такое предложение переводится условным наклонением: «*Ул шалтыратса, мин аңа бу турыда әйтермен*».

В немецком языке самые различные виды предположения передаются модальными глаголами. Они выражают данное значение более конкретно и дифференцированно, чем сослагательное наклонение немецкого глагола (конъюнктив). При передаче значения предположения группа немецких модальных глаголов значительно мощнее, чем частицы в татарском языке и включают такие слова как *müssen* «долженствовать», *können* «мочь», *mögen* «любить», *dürfen* «мочь (с разрешения кого-либо)», *sollen* (долженствовать), сочетания которых с инфинитивом без *zu* образуют постепенный переход от значения умеренного предположения до значения, близкого к отрицанию предположения

[2, с. 103-108]. Другим отличием немецких модальных глаголов от татарских частиц является также то, что морфологически они представляют собой единицы с полной парадигмой словоизменительных форм (Зеленцкий).

В татарском языке точных аналогов сочетания инфинитива с модальными глаголами нет. Отдаленное сходство можно усмотреть в случаях типа *Ул өйдә булырга тиеш* «Он, должно быть, дома» (инфинитив плюс модальное слово *тиеш*). Однако они носят явно периферийный характер, а сочетание модального глагола с инфинитивом обнаруживает в них элемент лексикализации, приближаясь к модальному слову. Несмотря на то, что татарский язык богат средствами выражения модальности, система модальных глаголов, аналогичных немецким, в нем отсутствует. Это создает существенные трудности, как при объяснении значений немецких модальных глаголов, так и при выборе их татарских эквивалентов, собственно глаголы в нем составляют меньшинство.

Модальный глагол *können* является одним из косвенных средств выражения предположения. Наряду с передачей значений возможности и пожелания в современном немецком языке он употребляется в значении предположения. Это значение у глагола *können* появилось еще в ранневерхненемецкий период, что свидетельствует об обогащении и грамматизации данного глагола.

Глагол *können* употребляется как с инфинитивом I, так и инфинитивом II, а также с устойчивым выражением *kann sein* «возможно», «может быть». Причем первой конструкцией выражается предположение, относящееся к настоящему времени, а второй – относящееся к прошлому. Конструкция с инфинитивом I по форме совпадает с основным употреблением глагола *können* в значении возможности. В таком случае в роли смысловоразличителя выступают контекст и интонация. Необходимо отметить, что употребление данного глагола с инфинитивом в современном немецком языке очень распространено. Предположение, выраженное конструкциями глагола *können*, характеризуется тем, что говорящий вполне допускает возможность осуществления действия или факта, однако, это предположение может в одинаковой степени соответствовать или не соответствовать действительности: *Er kann auch Schriftsteller sein* «Возможно, что он писатель»; *Er kann ein ausgezeichnete Geiger gewesen sein* «Он был, вероятно, прекрасным скрипачом»; *Danach dachte er wieder: Es kann ja doch ein Spitzel gewesen sein (A. Seghers)* «Потом он опять подумал: ведь это, воз-

можно, был шпик». На татарский язык модальный глагол *können* в значении предположения переводится модальными словами и словосочетаниями *бәлки* «возможно», *ихтимал* “может быть” , *бик ихтимал* “вполне возможно”.

Осторожное предположение или нерешительное высказывание в немецком языке может быть выражено с помощью модального глагола *mögen* в сочетании с инфинитивом другого смыслового глагола: *Er mag krank sein* «Он, возможно, болен»; *Da mögen Sie wieder recht haben (W. Bredel)* «Наверное, Вы опять правы». Глагол *mögen* в форме индикатива, как правило, сопровождается утвердительной интонацией, подчеркивающей значение возможности: *Es mag sein, daß ich mich gelegentlich so ausgedrückt habe, sagte er (T. Mann)* «Возможно, что случайно я так выразился, - сказал он». В сочетании с инфинитивом другого глагола глагол *mögen* иногда выражает предположение с оттенком допущения: *Ihr Talent mochte nicht groß genug sein ... (T. Mann)* «Возможно, что ее талант был не так и велик ...». Глагол *mögen* при выражении предположения может дополняться частицами *etwa* и *gegen* (приблизительные, нерешительные высказывания): *Er mag etwa 40 Jahre alt sein* «Ему предположительно 40 лет». Предположение в таком случае носит характер допущения.

Употребляясь с инфинитивом II, глагол *mögen* выражает предположение, относящееся к прошлому: *... sie gebrauchte die Anredeform , die noch in ihrer Jugend üblich gewesen sein mochte ... (T. Mann)* «Она употребляла ту форму обращения, которая, очевидно, была принята во время ее молодости».

Как видим, модальный глагол *mögen* имеет богатую палитру значений для выражения различных оттенков предположения. Он нередко выступает и в застывшей форме «*mag sein*», которая передает предположение с дополнительным оттенком «и пусть себе», «ну и пусть». Очень часто словосочетание «*mag sein*» выступает в качестве главного предложения в сложноподчиненном: *Mag sein, daß ich noch viel, viel zu lernen habe ...* „Может быть, мне еще нужно многому, многому научиться...».

Одним из часто употребляемых косвенных средств для выражения предположения в немецком языке выступает модальный глагол *wollen*. В этом значении он часто выступает с инфинитивом II: *Diesmal war Dietrich von Emmi gerettet, denn Emmi unterstützt von Herrn Blitzen, mit dem sie geradezu auf*

vertrautem Fuß zu stehen sehen, griff gewandt in das Pferdegespräch ein, gebrauchte fachmännische Ausdrücke, ja, schreckte nicht davon zurück, von Ritten ins Gelände zu phynsieren, die sie auf dem Gut einer Tante unternommen haben wollte «На этот раз Дитриха спасла Эмми: поддерживаемая фон Бриценом, с которым она, казалось, была на дружеской ноге, она ловко вмешивалась в разговор, щеголяла специальными выражениями и даже с увлечением импровизировала рассказы о поездках верхом, которые как будто бы совершала в имении у тетки».

Говоря о средствах выражения предположения в немецком языке, необходимо назвать и глаголы, которые своим лексическим значением указывают на присутствие в высказывании оценки, допущения, гипотезы: *annehmen* «предполагать», «считать», «допускать», *denken* «думать», «полагать», «считать», *glauben* «думать», «полагать», *meinen* «думать», «полагать», *vermuten* «подозревать», «предполагать», *zweifeln* «сомневаться». В отличие от модальных глаголов все они выражают предположение, сомнение, неуверенность. В немецкой грамматической традиции их не принято называть модальными, однако, по выражению Л.М. Михайлова, «они более модальны, чем глаголы типа *müssen* [5, с. 235]. Если модальные глаголы выражают отношение между субъектом действия и действием, определяют его как необходимое, возможное, то вышеперечисленные глаголы выражают так называемую коммуникативно-грамматическую модальность. Их уникальность – заключается в том, что они способны сочетаться со всеми высказываниями-предложениями, входящими в парадигму по цели высказывания: *Er nimmt an, daß sein Sohn zu Hause ist* «Он предполагает, что его сын дома». Глагол *glauben* фиксирует предположение, догадку о себе самом: *Er glaubt, daß er diese Dame irgendwo gesehen hat* «Он думает, что где-то видел эту даму».

Таким образом, мы видим, что средства выражения модальности предположения в сопоставляемых татарском и немецком языках обладают семантическим сходством, но их употребление в высказываниях различается. Несответствия в языках можно объяснить не только семантическими расхождениями, но и размытым характером шкалы оценочных обозначений и оценочных стереотипов.

В обоих сопоставляемых языках для выражения предположения формы будущего времени изъявительного наклонения. Отличительной особенно-

стью татарского языка является то, что будучи языком агглютинативным, для выражения предположения он использует аффиксы, которые могут присоединяться к временным формам глагола (*барадыр*, *баргандыр*). В татарском языке самую широкоупотребительную форму на *-а/-ә дыр (дер)* можно считать доминантой микрополя модальности предположения, а модальные слова, выражающие различные оттенки данного значения, относятся к ближней периферии (категорическая достоверность) и дальней (проблематическая достоверность) периферии.

Анализ литературы показывает, что не все средства выражения предположительной модальности являются одинаково употребимыми. Так, в татарском языке преобладают грамматические средства (временные формы глагола), а в немецком – лексические средства (модальные глаголы, модальные слова). Необходимо отметить также, что в обоих языках значение предположительности передается обычно в повествовательных и вопросительных предложениях. Причем в последних значение предположительности проявляется лишь в тех типах вопросов, которые в эксплицитной форме содержат пропозициональную часть, к которым прежде всего относятся общевопросительные (неместоименные) предложения (предположительный вопрос). Для побудительных предложений значение предположительности не свойственно, потому что они не выражают суждения. В оптативных предложениях средства выражения предположения также не встречаются, так как для создания значения желания существует собственная система средств его передачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. *Гулыга Е.В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
3. *Селезнева Е.С.* О некоторых особенностях средств выражения модальности сомнительной оценки (на материале английского, французского и русского языков).

4. *Юсупов Ф.Ю.* Изучение татарского глагола. Казань, 1986.
5. *Михайлов Л.М.* Коммуникативная грамматика немецкого языка. М., 1994.

*Тюменский
государственный университет*

3 декабря 2011 г.
